

К. Е. СКУРАТ,
профессор Московской духовной академии

УЧЕНИЕ СВЯТИТЕЛЯ АФАНАСИЯ ВЕЛИКОГО О БОГОВОПЛОЩЕНИИ КАК ОСНОВЕ СПАСЕНИЯ*

Святитель Афанасий принадлежит к числу великих отцов Вселенской Церкви. Уже при жизни его называли великим учителем Святой Церкви, отцом Православия, непобедимым защитником веры. Святой Василий Великий писал ему: «Если бы ты знал, какая польза от твоих писем, то никак не преминул бы ни одного представившегося случая писать к нам» (Творения, ч. 6, письмо 76. К Афанасию, архиепископу Александрийскому. Сергиев Посад, 1892, с. 178). Подобный же отзыв о творениях святителя Афанасия дает и преподобный Косьма: «Если встретится тебе слово святого Афанасия и не будешь иметь при себе бумаги, возьми и запиши его на своей одежде» (Блаженный Иоанн Мосх. Луг духовный, гл. 40. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1896, с. 54). Священник Павел Флоренский называл святого Афанасия «столпом церковного жизнепонимания», исключительным носителем церковного сознания, из православных православнейшим (Столп и утверждение истины. Опыт Православной Феодисеи в двенадцати письмах. М., 1914, с. 293, 56—57).

В историю христианского богословия святой Афанасий Великий вошел прежде всего как ревностный поборник Никейского символа и неутомимый борец с арианством. Со времени избрания на Александрийскую кафедру святитель Афанасий стоял во главе защитников Никейского вероопределения. «Он был не только их вождем, но и показателем их положения в Церкви. Все козни, направленные против Никейского символа, начинались обыкновенно с Афанасия; изгнание служило ясным симптомом усиливающейся реакции; торжество его являлось торжеством Никейского Собора и его вероопределения. Можно сказать, что Афанасий на своих плечах вынес Никейский символ из бури сомнений, вызванных им на Востоке» (Проф. А. С п а с с к и й. История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов. Т. I. Сергиев Посад, 1914, с. 263). Пять раз по проискам ариан его изгоняли с кафедры Александрийского предстоятеля, в изгнаниях он пробыл более 17 лет, но каждый раз, возвращаясь к своей пастве, он с прежней энергией продолжал свою деятельность. Его святительский труд на престоле святого апостола Марка и его творения были посвящены утверждению веры в единосущие Сына Божия Богу Отцу. В последний период своей деятельности в письмах Серапиону, епископу Тмуйскому, он говорит также и о Божестве Святого Духа. Таким образом, свидетельствует святой Григорий Богослов, святитель Афанасий «первый и один, или с весьма немногими, дерзнул стать за истину... исповедав единое Божество и единосущность Трех Лиц» (Творения, ч. 2, Слово 21, похвальное Афанасию Великому, архиепископу Александрийскому. М., 1889, с. 169).

Святого Афанасия Великого следует считать основоположником посленикейского тринитарного богословия. Утверждая единосущие Отца, Сына и Святого Духа, он проложил путь к дальнейшему раскрытию догмата Святой Троицы великими отцами-каппадокийцами.

* Статья и публикация «Слова о воплощении Бога-Слова» подготовлены в связи с 1600-летием со дня блаженной кончины святого Афанасия Великого, архиепископа Александрийского (373—1973 гг.).

Борясь за чистоту веры в Троическое единосущие, святой Афанасий Великий в своих творениях раскрывает и другие богословские вопросы, наиболее значительным из которых является вопрос о спасении человека. Проблемам сотериологии он уделяет не меньшее внимание, чем учению о Святой Троице. И это вполне естественно, потому что все догматы Церкви неразрывно связаны с нашим спасением. Все православное богословие по существу сотериологично, ведь центральное место в нем принадлежит учению о спасении. Именно такой характер носит и богословие святителя Афанасия Великого.

Святитель утверждает веру в Троическое единосущие не как отвлеченную истину, но, главным образом, как обоснование нашего упования на спасение. В догмате единосущия Александрийский святитель защищал действительность спасения человека Богочеловеком Иисусом Христом. Для святого Афанасия «тринитарный вопрос о рождении и единосущии Сына Божия есть прежде всего христологический и сотериологический вопрос» (Г. В. Флоровский. Восточные отцы IV в. Париж, 1931, с. 30).

Полемический характер большей части творений святого Афанасия создает известные трудности для исследователя, в распоряжении которого, впрочем, раннее произведение святого Афанасия «Слово о воплощении Бога-Слова», замечательное во всех отношениях¹. В нем нашло отражение все то, чем александрийский святитель жил и что ревностно отстаивал до дня вечного упокоения в небесных обителях.

Святитель Афанасий Великий глубоко и подробно разработал вопросы, связанные с спасительным подвигом Господа нашего Иисуса Христа, совершённым Им в течение Его земной жизни: воплощением, учением, делами, крестной смертью, Воскресением и Вознесением. Особое внимание он уделил истине Боговоплощения как наиболее актуальной и имеющей непосредственное отношение к жизни человека.

В Боговоплощении — сущность христианской веры. Боговоплощение — это камень, лежащий во главе угла (Мф. 21, 42), основа нашего спасения. Христос Богочеловек и спасение людей не отделимы. «Почему же не спасти мир Слову, соделавшемуся человеком, — спрашивает св. Афанасий Великий, — когда известно, что в том же естестве, в котором соделан грех, явился преизбыток благодати? Какой же это преизбыток благодати? Тот, что Слово соделалось человеком, пребывая Богом, чтобы, и соделавшись человеком, исповедуемо было Богом; так как Христос, будучи человеком, есть Бог, потому что, будучи Богом, соделался человеком, и в человеческом образе спасает верующих» (3, 347)².

Святой Афанасий обстоятельно раскрывает те мотивы, которыми была продиктована необходимость пришествия Христа во плоти для спасения человеческого рода.

Так как человечество впало в заблуждение и стало забывать истинное ведение о Боге, Слово умилилось над нашей немощью, снизошло к нашему тлению (1, 201) и явилось человеком, чтобы сообщить знание и «Своим кормилоправлением и Своею благодтию спасти» нас (4, 458). «Поелику же идолюбесие и безбожие овладели вселенной, и сокрыто стало ведение о Боге, то кому было научить вселенную об Отце?» — спрашивает Святитель и продолжает: «Может быть, скажут, что для этого достаточно было твари. Но если достаточно было твари, то не произошло бы стольких зол. Тварь была, но тем не менее люди

¹ В рукописной славянской традиции из всех творений святителя наибольший интерес проявлялся к этому Слову, о чем свидетельствуют многочисленные списки, хранившиеся в библиотеках и частных собраниях на Руси. — К. С.

² Все цитаты из творений святого Афанасия Великого даются в переводе на русский язык Московской духовной академией (типография Свято-Троице-Сергиевой Лавры, изд. 2, исправленное и дополненное, части 1—4, 1902—1903 гг.). Первая цифра означает часть творений, вторая — страницу этой части.

погрязали в том же заблуждении о Боге. Посему, в ком была... потребность, как не в Боге-Слове, Который видит и душу и ум, всё в тварях приводит в движение, и чрез тварей дает познавать Отца? Тому, Кто собственным Своим промыслом и благоустроением вселенной учит об Отце, надлежало и возобновить это учение. Как же бы совершилось это? Скажут, может быть: это можно было совершить тем же способом, то есть, снова показать делами творения, что нужно знать о Боге. Но это было уже мало надежно, и вовсе не надежно, потому что люди и прежде оставили это без внимания, и очи их устремлены были уже не горé, но долу. Посему-то, желая оказать людям верную помощь, Слово Божие приходит как человек, приемля на Себя тело, подобное телам человеческим, и помогает дольным, то есть, телесными Своими делами, чтобы те, которые не восхотели познать Его из промысления Его о вселенной и из управления ею, хотя из телесных Его дел познали Божие во плоти Слово, а чрез Него и Отца» (1, 208—209).

Святой Афанасий решает и важный вопрос о том, почему Бог для спасения человека избрал воплощение, а не другой какой-нибудь способ? Почему Он не ограничился требованием от человека покаяния? Или почему не спас его мановением Своим милосердной воли? Ведь создал же Он одним словом вселенную? Почему нельзя было подобным же образом спасти человека?

Святой Афанасий, исходя из веры во всемогущество Божие, не исключает возможности спасения человека каким-нибудь другим способом, кроме воплощения, ибо у Бога всё возможно; но считает, что Боговоплощение — «домостроительство по плоти» (2, 359) — явилось самым целесообразным средством спасения человека, ибо «искуплению прилично было совершиться не чрез другого кого, но чрез Того, Кто Господь по естеству, чтобы нам, сотворенным чрез Сына, не именовать Господом иного, и не впасть в арианское и языческое неразумие, послужив паче создавшего всяческая Бога» (2, 280).

Святой Афанасий спрашивает, недостаточно ли было бы потребовать от согрешившего человека покаяния в своих грехах и после покаяния даровать ему их отпущение и прощение, и отвечает, что одного покаяния было бы недостаточно для спасения человека. Само по себе покаяние благотворно, потому что в совести человека оно соединяется с осуждением греха. Но покаяние, только прескачая грех и не простираясь на его следствия, не могло быть единственным средством спасения (3, 346). Покаявшийся не мог освободиться от состояния, к которому приводил его грех, ибо покаянием он очищал свою совесть, но не уничтожал разлада между духом и плотью. «Если бы прегрешение только было, а не последовало за ним тления, то прекрасно было бы покаяние. Если же люди, вследствие предшествовавшего преступления, однажды сделались подвластными естественному тлению, и утратили благодать Божия образа, то чему человеку надлежало совершиться? Или в ком ином была потребность для возвращения таковой благодати и для воззвания человеков, кроме Бога-Слова, из ничего сотворившего вселенную вначале? Ему принадлежало и тленное привести опять в нетление, и соблюсти, что всего справедливее было для Отца» (1, 199—200).

Для совершения спасения недостаточно было и одного повеления Божия. Исходя из понятия о всемогуществе Божием, святой Афанасий считал, что Бог мог единым словом разрешить клятву, но для человека это не было бы полезным. Человек, приняв благодать извне, мог совершить еще более тяжкий грех, поскольку был бы убежден, что сколько бы ни грешил, Бог разрешит его грехи. «Надобно иметь в виду полезное для людей, а не то принимать в рассуждение, что Богу всё возможно... Что творит Господь, то и полезно людям, тому и быть иначе не подобало. Что полезно и прилично, о том и промысляет Он. Посе-

му пришел, не «да послужат Ему, но послужити» (Мф. 20, 28) и соделать наше спасение... Если бы Бог по всемогуществу изрек и разрешилась клятва, то в этом было бы видно могущество Повелевшего, и человек соделался бы таким же, каким был Адам до преступления, приняв благодать совне, без приспособления ее к телу (ибо таковым и тогда человек введен был в рай), но при этом он, может быть, соделался бы еще худшим, потому что научился преступать закон. А в таком состоянии, если бы оболещен был змием, снова настояла бы нужда Богу изрекать повеление и разрешать клятву. И посему потребность в этом продолжалась бы в бесконечность, люди же всё еще были бы виновны, раболепствуя греху. Непрестанно согрешая, непрестанно имели бы они нужду в прощении, и никогда не освободились бы от вины, сами в себе будучи плотью, и по немощи плоти всегда препобеждаемые законом» (2, 350—352).

Если бы Господь по Своему бесконечному милосердию вразумил и спас людей одним мановением, «как соделал то древле, когда создал мир из ничего» (1, 247), то это свидетельствовало бы только об определенном действии воли Божией в существе Святой Троицы, но не изменило бы сущности человека. Человек знал бы, что ему грехи прощены, но очищения от них, исцеления от растления не получил бы. В спасении не нуждался, хотя и растленный, погибающий, но «целый» человек. «И нужно было вместо тления привить к нему жизнь, чтобы, как смерть произошла в теле, так в нем же произошла и жизнь. Если бы смерть была вне тела, то и жизни его надлежало бы произойти вне. Если же смерть привилась к телу и, как в нем пребывающая, возоблудала им, то нужно было и жизни привиться к телу, чтобы, облекшись в жизнь, свергло оно с себя тление. Иначе, если бы Слово было вне тела, а не в самом теле, то, хотя смерть естественным образом была бы побеждена Словом (потому что смерть не в силах противиться жизни), но тем не меньше оставалось бы в теле начавшееся в нем тление» (1, 247—248). В том же естестве, в котором произошло «преспевание греха», должно было совершиться и «явление правды» (3, 346—347). Если кто оградит солому от огня, то она не сгорит, но огонь по-прежнему будет угрожать ей истреблением. Если же кто покроет ее «большим количеством каменного льна, который, как сказывают, противодействен огню, то солома уже не боится огня, находя для себя безопасность в несогораемой оболочке. То же самое можно сказать о теле и о смерти. Если бы повеление только не допускало смерть до тела,— оно тем не меньше, по общему закону тел, оставалось бы смертным и тленным. А чтобы не было этого — облечено тело в бесплотное Божие Слово, и таким образом не боится уже ни смерти, ни тления; потому что имеет ризою жизнь, и уничтожено в нем тление» (1, 249).

Итак, при решении вопроса, было ли вообще необходимо для нашего спасения Боговоплощение, по мнению святого Афанасия, следует исходить не из понятия о всемогуществе Божиим, а из того, какой из возможных способов спасения является наиболее полезным для людей и в наибольшей степени соответствует их природе и тому состоянию, в котором эта природа оказалась после грехопадения. Спасение человека единым всемогущим словом Божиим было бы благотельно только в том случае, если бы освобождение от греха было равнозначно снятию с человека вины греха. Но грех внес глубочайшие изменения в самую природу человека, и изменения эти при внешнем способе спасения остались бы без исцеления. Снятие вины греха не освободило бы человека от рабства греху, не устранило бы разлада между его душой и телом.

Таким образом, спасение людей было возможно только при условии внутреннего перерождения всей человеческой природы чрез соединение ее с высшей Божественной силой. Лишь соединение человека в тайне

Боговоплощения с Божественностью, преобладающей осуждение и немощь естества, могло даровать ему спасение.

Сын Божий облекся в подобную нам плоть, чтобы стать нашим основанием, на котором мы могли бы быть назидаемы как драгоценные камни и соделались бы «храмом живущего в нас Святого Духа. Но как Он — основаше, а мы — назидаемые на Нем камни; так опять Он есть виноградная лоза, а мы — как бы розги, соединенные с ним не по сущности Божества (это невозможно), но также по человечеству; потому что и розги должны быть подобны лозе, и мы по плоти подобны Ему... Полагаемое же в основание полагается ради камней, на нем назидаемых» (2, 358—359).

Святой Афанасий Великий в своих творениях свидетельствует, что спасение совершает Бог и что основой спасения служит Боговоплощение. В «Слове о воплощении Бога-Слова» он говорит: «Бесплотное, нетленное, невещественное Божие Слово приходит в нашу область, от которой и прежде не было далеким, потому что ни одна часть творения не осталась лишеною Его, но, пребывая со Отцом Своим, наполняет Оно и всю вселенную во всех частях ее. Но приходит, снисходя Своим к нам человеколюбием и явлением среди нас. И видя, что словесный человеческий род гибнет, что смерть царствует над людьми в тлении; примечая также, что угроза за преступление поддерживает в нас тление, и несообразно было бы отменить закон прежде исполнения его; примечая и неприлично совершившегося, потому что уничтожалось то, чему Само Оно было Создателем; примечая и превосходящее всякую меру злонаравие людей, потому что люди постепенно до нестерпимости увеличивали его ко вреду своему; примечая и то, что все люди повинны смерти,— сжалилось Оно над родом нашим... не потерпело обладания смерти, и чтоб не погибло сотворенное, и не оказалось напрасным, что соделано Отцом Его для людей,— приемлет на Себя тело, и тело не чуждое нашему... Будучи Всемощным и Создателем вселенной, в Деве уготовляет в храм Себе тело, и усвоает Себе оное, как орудие, в нем давая Себя познавать и в нем обитать» (1, 200—201).

Что же конкретно, по представлению святого Афанасия, принесло человеку пришествие Бога во плоти?

«В первые четыре века христианства много спорили о природе Сына Божия,— пишет проф. И. В. Попов,— много было высказано противоположных взглядов, но в разнообразии мнений по этому вопросу была общая черта. Все партии, за исключением гностических, видели в Сыне Божием одновременно Творца и Искупителя, потому что самое искупление мыслилось, как восстановление (разрядка моя.— К. С.) первоначального совершенства человека и природы. Эту же мысль неоднократно высказывает и св. Афанасий» (Проф. И. Попов. Религиозный идеал св. Афанасия. «Богословский вестник». 1904. Май — август, с. 91—92).

Первозданные люди уклонились от Бога, исказили образ Божий; человеческое естество, «претерпев изменение, оставило правду и возлюбило беззаконие» (4, 152). Что же должно было теперь соделать Богу? Чему надлежало теперь «совершиться, как не обновлению созданного по Образу, чтобы чрез этот Образ люди опять могли познать Бога?» (1, 207, 208). И Единородный Сын Божий вочеловечился, чтобы в Самом Себе «исправить сие, внушить естеству человеческому — любить правду и ненавидеть беззаконие» (4, 152). Образ Божий — Слово Отца — приходит Самолично, чтобы «можно было воссоздать по образу сотворенного человека», обновить и взыскать погибающего (1, 208). Творец соделался человеком для оживотворения людей, родился от Жены, «восставив Себе от первого создания человеческий зрак» (3, 350). Отец все передал в руки Сына, чтобы «как все Им сотворено, так все о Нем же могло и обновиться. Ибо не для того, чтобы из бедного стал

Он богатым, предается Ему, не для того, чтобы, не имея власти, принять власть, приемлет Он все — да не будет сего! — а напротив того, чтобы Ему, как Спасителю, все обновить: ибо прилично было, как в начале создания «Им», так и при исправлении, о «Нем» же придти сему в бытие с тою разностью в речениях, что в начале Им пришло в бытие, а впоследствии, — когда все пало, Слово стало плотию и облеклось в плоть. — в Нем все обновилось» (1, 270).

Восприняв плоть, Божие Слово умертвило грех, гнездившийся во плоти, сняло с человека клятву, осватило его — и мудрование наше стало свободным (2, 335; 3, 351). «Искупил ны есть от клятвы (Гал. 3, 13), и по слову Исани, носил грехи наши (Ис. 53, 4), и по написанному у Петра, «вознесе» их «на теле Своем на древо» (1 Петр. 2, 24)» (2, 323—324). Поэтому «дьявол приступил к Иисусу, как к человеку, но, не обретая в Нем признаков древнего своего всеяния, ни успеха в настоящем предприятии», «посрамляемый и преодолеваемый, уступил над собою победу, и в изнеможении сказал: «Кто Сей пришедый от Едома», то есть, из земли человеков, наступающий *зело с крепостию* (Ис. 63, 1)? Потому и Господь сказал: «Грядет сего мира князь, и во Мне» не обретает «ничесоже» (Ис. 14, 30); хотя знаем, что Второй Адам имел и душу и тело и целого первого Адама» (3, 350—351).

«Что Адам низринул с неба на землю, то Христос возвел с земли на небеса; что в Адаме было безгрешно и неосужденно, и им низринуто в тление и осуждение смерти, то Христос показал в Себе нетленным и искупительным от смерти» (3, 322—323). Сын Божий в человеке исцелил наши язвы, оживотворил всех сущих (4, 460; 2, 409). Когда Слово стало плотью, Ему даны были дела: Оно созидалось «в дела», чтобы совершить их «и, соделав всецелыми, представить Отцу Церковь, как сказал Апостол, *не имущу скверны, или порока, или нечто от таковых, но да будет свята и непорочна* (Еф. 5, 27)» (2, 349).

Вера в наше воскресение основывается прежде всего на единстве нашей плоти с плотью Воскресшего Христа: если Христос воскрес, то воскреснем и мы, потому, что Бессмертное Слово попало смерти, Своим соединением со смертной человеческой природой открыло врата в жизнь вечную (2, 233). Явление Спасителя во плоти уничтожило самый страх смерти (3, 308).

Знждитель твари воспринимает тело от Девы Марии (1, 417) не для Своего усовершенствования, но чтобы воскресить нашу плоть (3, 299). «Какое опять преспеяние у Бессмертного, воспринявшего на Себя смертное? Или какое усовершение у Вечного, облекшегося во временное? Какая возможна большая награда вечному Богу и Царю, сущему в недрах Отчих? Ужели не видите, что и это ради нас было, и о нас написано, чтобы Господу, соделавшемуся человеком, нас смертных и временных соделать бессмертными и ввести в вечное небесное царство?» (2, 239). И Христос вводит человечество «в гору Святую», в небесные обители, горние селения, «к мысленному жертвеннику» (4, 147). — «Вот подлинно необычайное дело!» (2, 440). Воссоздание образа Божия в человеке не совершилось бы, «если бы не были уничтожены смерть и тление». Слово принимает на Себя смертное тело, чтобы, наконец, уничтожить смерть и обновить людей «по образу» (1, 208).

В нас Христос Господь, и диавол не имеет прежней силы и дерзости нападать на человека. Пришествием Спасителя «демоны лишены власти мучительствовать над людьми» (4, 218). «Пред языки откры правду Свою, изгнав князя века сего, оправда же нас, издревле бывших под его мучительством» (4, 317). Так как человеческий род, «отступив от царства Божия, подпал мучительству сатаны, то пришел Единородный, чтобы низложить врага (3, 350), снова подчинить его «Своей державе» (4, 307), исполнить над ним, наконец, Свой приговор, всех же соделать свободными (2, 352).

Зиждатель вселенной соделался «Вторым Адамом, чтобы из имени познали мы истину» (3, 323). Облекшись «по всему» во Адама, восприняв даже Адамовы немощи, кроме греха (4, 459—460), «сущий прежде веков единосущное Отцу Слово» (3, 329) отменяет древний Владычней приговор: «*Земля еси, и в землю отгидеши* (Быт. 3, 19), *смертию умрешу* (Быт. 2, 17), примиряет Бога с человеком и освобождает «целого человека» (3, 331).

Святой Афанасий не останавливается на значении Боговоплощения как воссоздания человека, но идет дальше и учит об усовершенствовании творения чрез вочеловечение Сына Божия. Господь не только возвратил человеку блага, которых тот лишился в грехопадении, но дал больше того, что имел Адам и чего он мог достичь только послушанием воле Божией. Боговоплощение — это вторичное дело «творения со стороны Слова, чтобы обеспечить достижение той идеальной цели мира, которая заключается в совершенстве человека и достижение которой не было обеспечено в первом творении» (Иером. Владимир (Благодарумов). Святой Афанасий Александрийский, его жизнь, учено-литературная и полемико-догматическая деятельность. Кишинев, 1895, с. 369).

Отчий Сын знаменовал собой начало нового пути. С Его явлением *древняя мимоидоша* (2 Кор. 5, 17) — произошла новая тварь. Сын Божий назван «первородным твари, по усыновлению всех. Но как первородный в братнях и от мертвых воста начаток умершим (1 Кор. 15, 20)», Богочеловек во всем первенствует, становится началом путей, *завесою, сиречь плотию Своею* (Евр. 10, 20) обновляет для нас путь новый и живой, является началом новой твари, «чтобы человек жительствовавший уже не по той первоначальной твари, но, поелику положено начало новой твари», то, имея началом путей Христа, последовал уже Ему (2, 346—347).

«Изъясняя слова святого апостола Павла: «*По толику лучшаго завета бысть испоручник Иисус* (Евр. 7, 22) в смысле данного Им за нас поручительства, святой Афанасий продолжает: «Совершенное Им служение стало лучшим; потому что... *Мы не во плоти, но в Дусе* (Рим. 8, 9). И Сын Божий пришел в мир, *не да судит мирови, но да искупит всех и да спасетсЯ Им мир* (Ин. 3, 17). Ибо тогда мир, как повинный, судим был Законом; а теперь суд принял на Себя Слово», Которое даровало всем спасение. «И это имея в виду, Иоанн воззвал: «*Закон Моисеом дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть* (Ин. 1, 17). Но благодать лучше, нежели Закон; действительность лучше, нежели тень». А лучшее «не могло соделаться чрез кого-либо другого а чрез Сына, сядящего одесную Отца» (2, 255—256).

Человеческая природа во Христе была помазана и освящена Божеством. Бог не имел нужды в помазании и если помазуется, то не Он, «но воспринятая Им на Себя плоть в Нем и Им помазуется, чтобы освящение, совершенное над Господом, как человеком, совершилось Им над всеми людьми». Сошествие Святого Духа на Него во Иордане было сошествием на нас. «И было оно не к усовершению Слова, но для нашего опять освящения, чтобы мы причастились Его помазания, и о нас могло быть сказано: «*Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас*». От Богочеловека «мы начали принимать помазание и печать»» (2, 238—239).

Воплощением Второй Ипостаси Святой Троицы человек возведен в нетление. Тление, «издревле превозмогавшее» над людьми, уже не имеет «власти над ними ради Слова, вселившегося в них посредством единого тела» (1, 202).

Благодаря воплощению люди вошли в действительное единение с Сыном Божиим, а чрез Него и с Отцом, стали сынами Божиими. Христос с нами стал единое, поэтому и мы участвуем в том, что совершает

Он. Спаситель «всыновил нас Отцу» (2, 227). В толковании на перво-священническую молитву Господа святой Афанасий говорит: «Известно как Слово стало в нас; Оно облеклось в нашу плоть. Но «и Ты во Мне», Отче, потому что Твое Я Слово. И послыку Ты во Мне, потому что Твое Я Слово, а Я в них по телу, и чрез Тебя совершилось во Мне спасение людей; то прошу, «и тии едино да будут» по телу во Мне и по его совершению; «да и тии совершени будут», имея единство с телом сям и в нем «едино», да все, как понесенные Мною на Себе, будут едино тело и один дух, и достигнут в мужа совершенна» (2, 397—398). Эти слова выражают воззрение святого Афанасия на домостроительство нашего спасения.

По мнению отца Православия, главное в деле спасения — соединение человека с Богом и его обожение. Божие Слово «вочеловечилось, чтобы мы обожились» (1, 260). С этой сотериологической точки зрения святой Афанасий освещает Лицо Исккупителя и раскрывает весь жизненный смысл исповедания Его Богом и человеком. Основная мысль святого Афанасия может быть сформулирована так: если Слово есть тварь — человек остается в прежнем состоянии, не сочетавшись с Богом (2, 350). Но Слово есть Бог — и человек обожествуется, причем не вообще человек, но каждый индивидуум, ибо Христос Господь был и остается во всем, кроме греха, нам подобным. Он наш Сотелесник. Он подлинно самый любящий всех людей Брат и Друг (2, 342). А так как Он и возлюбленный Сын Отца Небесного, то велико Его ходатайство о нас, действенная помощь всем стремящимся к Нему с чистым сердцем.

Безграничность любви Божией удостоила человека высочайшей чести — обожествовала его, поставила в этом отношении выше Адама до его грехопадения, дала человеку больше, чем он потерял: с Адамом мы потеряли человеческое достоинство, с Христом Спасителем — получили Божеское. Все человеческое Бог признал Своим, не чуждым Себе, но и людей обязал все Божественное во Христе считать не чуждым себе. Люди призваны в единство вечной Божественной жизни как дети Бога, как Его друзья. И мы смело идем в брачных одеждах за нашим Братом на духовную трапезу в Отчую обитель. «Возрадовались соделавшиеся Твоими причастниками, как помилованные за то, что научились у Тебя любить правду и ненавидеть беззаконие» (4, 152), как возведенные Словом до сограждан неба и сожителей Божиих (2, 353). Для тела человеческого «произошло великое присовокупление от общения и соединения с ним Слова. Ибо из смертного соделалось оно бессмертным; будучи душевным, стало духовным; быв от земли, прошло небесными вратами» (3, 299).

Отче Слово и Премудрость, снизойдя к тварям, «делается для них источною святынею, источною жизнью, Дверью, Пастырем, путем, Царем, Вождем, Спасителем во всем, животворящим Светом и общим о всех промышлением» (1, 190). «Когда Слово плоть бысть, и вселися в ны (Ин. 1, 14), когда пришло Оно послужить и даровать всем спасение, тогда Оно бысть нам спасение, бысть нам жизнь, бысть нам очищение, тогда домостроительство Его о нас соделалось лучшим ангельского, и Слово стало путем, стало воскресением». Христос «лучший бысть испоручник», оказавший нам Своим вочеловечением великое благодеяние (2, 259—260). Будучи Богом и предвечным Царем, Он усвоил «Себе наше, чтобы мы обогатились тем, что Его» (4, 292).

И сейчас Господь наш Иисус Христос, «благой и зиждательный», ежедневно открывает Себя всем, ибо «Им все стоит и живет. А в Нем и чрез Него являет Отец и Себя Самого, как говорит Спаситель: *Аз во Отце, и Отец во Мне* (Ин. 14, 10)» (1, 190). Теперь Господь всегда с нами, хотя бы мы и пребывали в напасти» (4, 304).

Итак, если бы Сын высочайшего Отца не смирил Себя, «не соделался человеком, то не были бы мы избавлены от грехов и не восста-

ли бы из мертвых, но пребывали бы мертвыми под землею, не были бы вознесены на небеса, но оставались бы лежащими во аде» (2, 233). Если бы не воплотился Господь, «приняв на Себя естество наше, кроме греха, то не было бы нам спасения» (4, 307). Не получили бы мы и благодати Духа, если бы Слово не стало плотью. «Не были бы мы избавлены и превознесены, если бы *во образе Божии Сый* не приял *зрак раба*... Не соделались бы мы причастниками Духа и не освятились бы иначе, если бы Сам Податель Духа — Слово не сказал о Себе, что Он за нас помазуется Духом. И мы надежно приемлем, потому что Он скажется помазанным по плоти. Ибо как скоро в Нем первом освятилась плоть, и чрез нее скажется Он приявшим Духа, как человек, то вслед за Ним и мы имеем благодать Духа, приемля от исполнения Его» (2, 242—243). Именно поэтому, говорит святой Афанасий, псалмопевец и называет пришествие Господне «радостью спасения... по сказанному Симеоном: *Яко видеста очи мои спасение Твое* (Лк. 2, 30)» (4, 177).

От соединения Сына Божия с человеческим естеством происходят, таким образом, все спасительные и благодатные дары. Один из исследователей деятельности святого Афанасия, основываясь на творениях великого отца Православия, пишет: «Слово чрез Свое вочеловечение обновило и привело к совершенству все стороны Своего образа в человеке, поврежденные в нем грехопадением. Отсюда святой Афанасий часто говорит о возобновлении мира, о новом творении, о том, что Слово принесло бессмертие и нетление и приобрело наше воскресение. Далее — Слово должно было обновить и воссоздать созданного по образу человека, Слово должно вознести, освятить и восстановить нас, Оно должно было освободить всех от заблуждения и идолослужения и принести нам снова познание Бога. Оно должно было исторгнуть грех с корнем и, таким образом, разрушив дела диавола, совершенно освободить нас от его власти. Слово пришло, чтобы снова вселить в нас надежду на Бога, чтобы примирить нас, усыновить, обожить и соединить со Святым Духом. Цель пришествия Иисуса Христа на землю заключается также и в том, чтобы теснее соединить людей между собой. Все эти пункты святой Афанасий представляет не в отдельности друг от друга, а в тесной связи между собой, так что в каждом из этих пунктов содержатся и остальные» (Иером. Владимир (Благодарумов), цит. соч., с. 368—369).

Итак, Боговоплощение — основа нашего спасения. «Спасение наше — Иисус Христос, Который вводит нас в новый подвиг», «в новый век» и «уготовляет к воцарению с Ним» (4, 304, 305). В Богочеловеке сосредоточена вся наша жизнь вследствие тесного единения Его с нами. Он все наше упование, вся наша помощь; Он все Сам «заменит нам Собою на небесах, приемля нас в вечную жизнь» (2, 362).

«Вникнув в это, — учит святой Афанасий, — поклонись общему всех Спасителю, всемогущему Божию слову, и осуди то, что Им умалено и обращается в ничто. Как с явлением солнца тьма не имеет уже силы, но если и оставалась еще где, изгоняется повсюду, так, по божественном явлении Божия Слова, не имеет уже силы идольская тьма» (1, 261). «Бог мой еси Ты, и исповемся Тебе». Сии-то слова... должно возглашать Спасителю Христу» (4, 366).